

Глава 1

— Пет, давай! Играй! Или ты так, для виду носишь эту штуку за спиной?! Эй, музыкант, играй!

Я посмотрел на Аллена, тот махнул рукой — играй, мол! И сделал жест рукой: «Я пока выпью».

Ну что же... сегодня не мой день по «графику», сегодня Аллен играет. Хотя кто мешает нам играть по очереди? Музыкантов в трактире осталось двое — тут раньше было еще что-то вроде квартета, но один помер от перепоя, другой заболел... двое оставшихся притащились в трактир в таком непотребном виде, что даже выдавший виды хозяин трактира Дункас, бывший наемник, велел им убираться в тот хлев, из которого они выползли, и не позорить его доброе заведение. А если не уберутся — он лично начистит им поганые рыла.

Кто-то может сказать, что это очень жестоко, что так не поступают с музыкантами, но, черт подери, разве можно приходить на работу в разорванных на заднице штанах, к которым прилипло размазанное дерьмо? С разбитой мордой, немойтой как минимум месяц, и с инструментами, перевязанными веревочками? Ну какая-то профессиональная честь должна же быть? Сам ты хоть в говне вывозись, хоть го-

лый приди, но инструмент у тебя должен блестеть, вылизанный, ухоженный, звучный. «Одна палка, два струна» — это для нищих. В трактире «Якорь» собираются люди обеспеченные, солидные — пусть даже у многих из них руки по локоть в крови. Или тем более что по локоть в крови. Достанется и музыканту, и трактирщику — за то, что допустил этих уродов к такому щекотливому делу, как развлечение добрых людей.

В общем, трактирщику даже не пришлось мारаться, выбрасывая этих чудиков, сами посетители постарались. Все какое-то развлечение.

Да, жаль — куда они потом подадутся? Но надо было думать, прежде чем сливать свою жизнь в сортир. В своей прежней жизни на Земле я насмотрелся на подобных чудаков на букву «М», и лично я не испытываю к ним никакой жалости. Каждый сам кузнец своего несчастья.

Зачем я прихожу сюда, в трактир? Зачем тут вступаю? После того как отец Хенеля оставил мне наследство, две тысячи золотых, никакой необходимости в зарабатывании денег игрой на лютне по трактирам я не испытываю. Вот только... меня поймет, наверное, лишь профессиональный музыкант, артист: это как наркотик. Ты играешь, а люди тебя слушают. Слушают, открыв рот, прекратив есть, пить, щупать шлюх, сидящих на коленях, замерев и не дыша, будто боясь спугнуть мелодию. Это заводит. Это как наркотик! Ты уже не можешь без этого жить.

Я на Земле был профессиональным военным, даже зарабатывал приличные деньги — когда перешел служить в ЧВК, но сколько раз в своей жиз-

ни я жалел, что не стал музыкантом! Профессиональным музыкантом! А ведь все у меня для этого было — музыкальный слух, умение играть на гитаре, отточенное годами обучения, голос — да, у меня был какой-никакой голос, в отличие от большинства заполнивших эстраду попсовиков! А вот поди ж ты... стал профессиональным воином.

Ну что тут сказать... дороги нас выбирают! Расскажи Богу о своих планах — пусть посмеется.

Сажусь на стул, еще теплый от костлявого зада Аллена, моего приятеля, бывшего наемника и музыканта (кстати, ведь похожие судьбы, нет?), закидываю ногу за ногу и кладу лютню на бедро. Когда-нибудь я закажу мастеру, который сделал эту лютню, самую настоящую гитару, наподобие той, на которой я играл долгие годы и в музыкальной школе, и потом, уже служа в армии. Я всегда таскал за собой гитару, и даже позывной у меня был: Музыкант. Это уже в ЧВК я стал Синий. От Синельникова. Так показалось проще моему командиру.

Эта лютня стоит больше ста золотых — целое состояние в этом мире. За сто золотых можно жить несколько лет семье из четырех человек. И практически ни в чем себе не отказывая. Еда тут довольно-таки дешевая, ведь этот мир больше аграрный, чем промышленный. Климат тут очень мягкий, дожди идут вовремя, земля — сплошной чернозем, наподобие украинского. Палку воткни — и она зазеленеет, пустит корни. Так с чего еще быть дорогой? Почему за нее должны драть бешеные деньги? Хотя... и такое бывает. Я это видел.

Настраиваю лютню, наигрываю мелодию — больше так, для порядка, чтобы пропитаться духом

музыки, чтобы ощутить свою лютню, сделать ее своим продолжением, своим органом.

Жаль, что это не гитара. Вот не хватает лютне той сочности, той мощи, какая есть у гитары! Вроде бы все на месте — и шесть струн, и металлические колки... а вот не то, не так звучит! Хочется услышать знакомый звук, трогаешь струны... а звучит иначе. И ты чувствуешь легкое разочарование — в очередной раз, как и всегда. Нет, все-таки в ближайшее время схожу к мастеру, который сделал лютню, — я уже узнал, кто он такой и где живет. Объясню, что мне от него нужно, и закажу инструмент. Кстати... тут есть что-то вроде патентного бюро... а не сходить ли мне прежде к стряпчим? «Изобрету» гитару, и пускай каждый мастер, который делает такой инструмент, отстегивает мне бабки! Почему бы и нет? Чай, не коммунизм. Всякий труд должен быть оплачен!

Улыбаюсь своим мыслям, трогаю струны, подбирая мотив под стихи, и начинаю:

Море вздымается черной стеной...¹

В трактире тихо-тихо, только на кухне гремит сковородами запалившаяся от работы кухарка, да на улице прогремывает огромными колесами по булыжной мостовой фура ломовика. Пахнет жареным мясом, пролитым пивом, потом разгоряченных мужских тел и смазанной рыбьим жиром кожей сапог и безрукавок, обшитых стальными кольцами. Огромные, сильные, жестокие люди под воздействием музыки превращаются в наивных детей, жаждущих красоты и сказки. Наверное, я сейчас

¹ Море вздымается черной стеной — М. Семенова.

сродни сказочнику-фантасту, погружающему человека в мир его грез, уводящему туда, где сбываются мечты...

Когда закончил, секунд пять царила не прерываемая ничем тишина, потом зал взревел. Люди стучали по столешницам (тут это заменяло аплодисменты), вопили, потрясали в воздухе кулаками — только что не свистели от полноты чувств. Ибо у моряков свист считается дурной приметой, приносящей неудачи и вызывающей шторм. А тут ведь как минимум половина посетителей моряки: трактир располагается возле порта, так что нет ничего в этом удивительного. «Якорь» — он и есть якорь. Вышел с корабля и зацепился за берег. Пока снова не пришло время сдаваться на милость повелителя глубин, Большого Змея.

Слова баллады точно соответствуют верованиям покорителей океана — по их представлениям, где-то на огромной глубине живет Большой Змей, именно он правит всеми морями. И когда Змей просыпается от своей спячки — а большее время в году он спокойно спит на дне, — тогда и гибнут суда, тогда и упокаиваются в желудке Змея несчастные мореплаватели, оказавшиеся не в том месте не в то время. Ведь Змею надо чем-то питаться? А что может быть вкуснее, чем просоленное, пропитанное пивом мясо корабеля?

— Еще! Еще давай!

И дождь из монет. Хороший такой дождь. Меня любят, мне хорошо набрасывают монеток. И плевать им, что я ворк — человек из ненавидимого, гонимого имперцами племени. Моряки сами гонимы и сами отвержены — как и я, как и тысячи мне подобных. Им ли меня ненавидеть?

Я снова наигрываю, задумавшись и даже не пытавшись собрать монеты, которые раскатились по всей сцене. Успею собрать. Никто их не возьмет. А если все-таки одна-другая монетка пропадет, попавшись под руку усталой шлюхе или замотанной беготней подавальщице, — так и пускай. Значит, им больше было нужно, чем мне. Я не обеднею. У меня счет в банке, я курсант магической Академии на полном обеспечении, и музыка для меня только развлечение. Потому... попросит — я и сам подарю эти деньги. Нет, не алытруист и не дурак. Просто... не жри один — не то подавишься.

Кому велит божественная милость...¹

Молчание. Потом рев, потом крики... все как всегда. Я впитываю эмоции людей, я наслаждаюсь ими!

Наверное, я эмоциональный вампир. Как, вероятно, и большинство из музыкантов, певцов. Иначе зачем они это все делают? Просто для того, чтобы колебать воздух? Всего лишь зарабатывать деньги? Нет. Нам нужно именно это — рев толпы, поклонение, нам нужна ЛЮБОВЬ! Возможно, мы недополучили ее в детстве, а может быть, мы просто ненасытны, как волки, всегда алчущие крови. Мы питаемся любовью, мы сосем ее, как материнское молоко — такое сладкое и такое желанное. В эти моменты я тоже люблю. Весь мир! Всех, кто любит меня. И забываю о том, что в мире еще столько плохого, столько гадкого и грязного...

¹ Кому велит божественная милость — М. Семенова.

Нет преграды лунным лучам...¹

«Впереди поет океан, вóроны кричат позади», — ревет зал, повторяя последние строки. Они уже знают эту песню, я пел ее им, пел ее и Аллен — он просил у меня позволения исполнять мои песни. Как я могу ему отказать? Да и выполнит ли он, если я вдруг сойду с ума и прикажу никогда не играть мою музыку и не петь мои песни?

Я и сам-то не очень чист на руку. Половину из этих баллад некогда сочинил сам, когда на меня вдруг напал такой... хмм... стих, а половину позаимствовал у земных поэтов. Например, те три баллады, что сегодня пел, сочинила писательница Семенова. Баллады случайно попали под мой взгляд, когда я уже служил в ЧВК, и я, недолго думая, подобрал к ним музыку. Здесь мне осталось «только лишь» перевести слова стихов на Всеобщий язык да подогнать под исполнение на лютне.

И... баллады зазвучали. Здесьние зрители неприятельны, им не надо чеканных рифм, не надо выверенности и красоты строк, так что мой перевод прокатывает на ура. Что и доказывает дождь из монет, которые исправно сыплются на сцену.

Я сегодня в ударе, мои длинные пальцы ворка щиплют струны, цепляя их напальцевыми медиаторами, похожими на серебряные когти. Из-за использования медиаторов звук получается звонче и чище.

Кстати, я настоятельно советовал Аллену использовать такие медиаторы — пусть не серебряные, как у меня, но... хотя бы медные. Но этот упрямец

¹ Нет преграды лунным лучам — М. Семенова.

только отмахивается — мол, привык уже работать ногтями, медиаторы — это только для изнеженных дворянчиков, которые, сходяв помочиться, пять раз подряд после этого моют руки с мылом (надо мной стебается, мерзавец!). А он, настоящий солдат, укрепил свои пальцы так, что ногти и сами пальцы стали тверже, чем сталь!

Я, правда, так и не понял связи между мытьем рук после сортира и крепостью пальцев, но спорить с бывшим наемником не стал. Как там выдал Петька в старом анекдоте, когда Василий Иванович сказал: «Темно, как у негра в жопе!»? «Ты, Василий Иванович, везде бывал, все видал!» Спорить с упрямыми — это не для меня.

— Вина музыканту! самого лучшего вина! — крикнул кто-то из зала, и его клич подхватили несколько голосов. Дункас от своего места у прилавка «бара» подмигнул мне, сделал знак подавальщице, и она принесла три здоровенных кувшина. Я поднял первый кувшин, встал и, сделав международно-межпространственный жест: «За вас!» — отпил этого самого дорогого вина под восторженный рев угощавших меня зрителей. Приятно людям, когда их уважают, когда не брезгают их подношением. Отказываться нельзя! Обида!

Так и спиваются музыканты, превращаясь в настоящих скотов, заканчивающих свою жизнь в придорожной канаве. Вот только в кувшинах у меня не дорогое вино. И вообще никакое не вино. Чистая вода — холодная, только что из колодца. Но счет угощавшему выставляют как за самое лучшее южное вино. Деньги — пополам с трактирщиком. Таковы правила. Бизнес, и всем хорошо.

Я вообще-то практически не пью. Могу выпить легкого пива — немного. Или легкого вина — тоже чуть-чуть. Я и на Земле не пил, потому мне по принципу «из противоположного» и дали позывной Си-ний, к тому же соответствующий фамилии. И в этом мире я не употребляю ничего крепче легкого винца, едва отличимого от чистого виноградного сока. Никакого тебе старого Южного, густого, как мед, и сшибающего с ног не хуже пулемета, никакого тебе самогона, который здесь пьют самые опустившиеся из пьяниц. Русише музыканто — облик морале!

Кстати, и в этом смысле тоже. Мне каждый раз, как я появляюсь в «Якоре», молоденькие шлюшки предлагают воспользоваться их услугами с большой скидкой или даже «за так», просто потому что я молоденький красавчик, а они уже устали от грязных грубых мужиков. Тем более что я воспитанный и, наверное, в момент оргазма не бью женщин кулаком по спине. Но каждый раз я отказываюсь, мотивируя это тем, что недостаточно хорош для такой красотки, что для нее нужен настоящий, крепкий мужик, достойный ее великолепных форм!

Однотипная шутка, но она, как ни странно, прокатывает всегда. Девки ржут, как лошади, лезут целоваться, потом я долго пахну сладкими дешевыми духами и притираниями, которые никак не могут заглушить несущийся от этих женщин запах застарелого пота, несвежего белья и мужского перегара.

Да, я довольно-таки брезглив, не для этого мира, который еще не очень-то заботится о гигиене и точно ничего не знает об источниках болезней, всяких там микробах и бактериях. Если бы не

маги-лекари, все эти девицы давно бы скончались где-нибудь на пустыре, разъедаемые самыми мерзкими дурными болезнями. Для лекарей эти болезни не представляют из себя ничего сложного. Один сеанс лечения — и готово. Вот только не всегда болезнь проявляет себя сразу, потому цветут ясным цветом всевозможные болести смешные, случающиеся от любовных игрish.

Да, я не настолько изжаждался по женской ласке, чтобы пить из первой попавшейся лужи, как завещал нам великий Ленин, узнавший о причудливых развлечениях небезызвестной дамочки с хитрой фамилией Коллонтай. У меня есть с кем вылечить свой спермотоксикоз, и я делаю это успешно и с огромным удовольствием.

Напившись «вина», промочив глотку, пою дальше. Вначале «Город золотой». Вот это настоящая лютневая музыка! Вавилов был настоящим гением! Увы... рано ушел. Умер от рака, не увидев известности при своей жизни. Народ в трактире любит эту песню, ее играю только я. У Аллена голос хриплый, сорванный, как и положено настоящему вояке. Я же пою и в теноре, и в баритоне и могу даже опустить до баса — как оказалось, у моего тела, ранее принадлежащего покинувшему этот мир парнишке Келлану, невероятное строение связок и вообще всего певческого аппарата. Такие, как он, певцы случаются очень редко. На Земле я видел таких раза два или три — одним из них был певец-пародист Чистяков, который мог скопировать голос любого человека в мире (я видел и слышал его в записи, он рано ушел — трагически погиб). И петь любым голосом любого певца. Мутация, конечно же. Отклонение от нормы.

Впрочем, возможно, что у ворков это не такое уж и редкое умение. Я почти не общался с представителями племени, давшего жизнь Келлану, но слышал, что ворки всегда отличались умением музицировать на любых музыкальных инструментах, а еще очень хорошо поют.

Затем исполняю песню, которую играл и пел совсем «недавно» в Сирии, как раз перед тем выездом, в котором меня убили. Я услышал ее в сети, и она меня сильно зацепила. Стихи, тексты я всегда запоминал практически с первого раза — и профессиональное музыкантское умение, которое я развил до совершенства, и природные способности, которые, как известно, не пропьешь. Так что, однажды услышав песню, я запоминаю ее навсегда. Как, кстати, и лекцию преподавателя. Что немало удивляло и моих преподавателей в музыкальной школе, и учителей обычной школы, где я, вечный хулиган с тройкой по поведению, учился на «отлично» (ну если ты с ходу, на слух запоминаешь все то, что тебе говорит учитель, — как ты еще можешь учиться, кроме как «на отлично?»), удивлял всех, кроме моей мамы, считавшей, что это ее заслуга. Это она родила такого умного и разносторонне образованного мальчика — в маму пошел!

Тем бóльшим ударом для нее было узнать, что я отправляюсь в армию, чтобы потом стать профессиональным военным. *«Убивать людей?! Тупой солдафон?! Ты сошел с ума! Я сейчас позвоню тете Соне, и она тебя обследует на предмет душевного здоровья! Какая армия?! Ты же не выдержишь, ты всегда кашлял!»*

Эх, мама, мама... как мне жаль, что уже не могу сказать, как я тебя люблю! Я бы все на свете отдал, чтобы встретиться с тобой снова, чтобы никогда больше тебя не расстраивать! Какие же мы все в юности идиоты... Отличаемся только тем, что одни, повзрослев, перестают быть идиотами, другие остаются ими до самой гробовой доски.

Так вот, это была песня «Роза на древке» Алексея Хромова. И она здесь очень хорошо пошла. Оно вроде бы и непонятно, про что эта песня, но почему-то трогает за сердце всех без исключения. Как некогда тронула и меня.

«Стану старой усталой птицею...»¹

Наверное, потому песня так тронула мое сердце, что сам я себе уже казался старой седой усталой птицей. У которой ни гнезда, ни семьи. И таких «птиц» в трактире было не менее половины. А может, и гораздо больше. Потому принимали песню очень хорошо.

Ну а закончил я выступление опять же балладой Семеновой, которую как мог перевел на Всеобщий:

Лютни, звените
Сами собой,
В битву зовите,
На последний смертный бой!²

¹ Роза на древке — А. Хромов.

² Лютни, звените — М. Семенова.

В оригинале было не «лютня», а «гусли», но само собой понятно — в этом мире никакими гуслиями и не пахло. Лютня — это понятно.

Впрочем, «закончить» — это я погорячился. Меня не отпускали еще минут сорок. Каждый раз, когда я заканчивал петь и играть, меня уговаривали, угощали, кидали монеты — густо кидали, как жертву капризному божку, — и я снова играл и пел, хотя уже прилично устал.

Когда ты вкладываешь душу в свою музыку, то непременно устаешь. Выгораешь, опустошаешься. Вероятно, еще и поэтому многие музыканты пьют или подсаживаются на всякую «дурь». Выгоревшую в душе лакуну надо ведь чем-то заполнить. Кто-то заполняет эту дыру спиртным, кто-то наркотой, сексом, а кто-то ударяется в религию. Но нет никого, кроме тупых ремесленников от музыки и безголосых шоуменов, кто бы не выгорал душевно после того, как вложил свои эмоции в исполняемую ими мелодию. Это нормально. И это опасно.

Наконец меня все-таки отпустили — я отговорился тем, что в конце концов и Аллену надо свою денежку заработать! Я же не какая-то крыса, которая подло жрет хлеб товарища! Народ понял и принял мои доводы. Тема заработка и тема товарищества им очень близка, так что поворчали, да и согласились. Ну а я под крики и шум пообещал, что буду петь для них и в будущем — если, конечно, не сильно им надоел. Чем вызвал радостные крики и смех — ну как я могу им надоест? Как говорится, скачи, Петрушка, народ требует зрелищ!

Глава 2

Лютню положил в шкаф, сбросил башмаки и с облегчением надел тапочки. Потом пошел в спальню и с разгону с наслаждением бросился на кровать. Хорошо!

Вот грех жаловаться, в самом-то деле. Живу — как сыр в масле катаюсь. И деньги есть, и в Академии я на особом положении. Но нет покоя в душе. Совсем нет. То ли я такой бунтарь по жизни, то ли понимаю, что нельзя успокаиваться...

На самом-то деле чего я достиг? Все получилось как-то... дерьмово! Хотел уничтожить врага — добился того, что погиб хороший человек. Теперь Элрон непонятно где прячется, и я не могу до него добраться. А вот он знает, где я обитаю. И сынок его отправился туда, откуда я не так давно, можно сказать, сбежал. Не может ли он получить информацию обо мне у лекаря? Нет... скорее всего, нет. Велур побоится. Если только кто-то из его слуг меня сдаст. Но ведь это надо знать, о чем спрашивать. Или, вернее, о ком. Связать Петра Сина и Охотника, который убивал шпану на улицах столицы...

Все сложно... и все висит на тонкой такой ниточке. Впрочем, как и всегда. Кто там прял нить жизни? Мойры? Чик ниточку ножницами — и нет человека.

— Ну что, рассказывайте... что тут было в мое отсутствие? Кто заходил, что делал?

— Твоя служанка заходила — бестелесный голос призрака я слышал не ушами. Нет ни малейшего представления, чем я его слышу. Мозгом? Или же-

лудком... Этого никто никогда не узнает, так зачем ломать голову? Просто интересно, да и все тут.

— В вещах рылась? Искала что-нибудь?

— Нет. Расправила, унесла гладить, повесила. Потом разделась догола и стояла перед зеркалом.

— Что?! — Я даже привстал на кровати. — Зачем?

— У нее снова появилась опухоль. На бедре. Небольшая. Девушка плакала.

Вот как... я закусил губу. А я-то радовался! Окажется, болезнь возвращается! Хмм... стоп! Каким образом может вернуться вырванная напроочь опухоль, вызванная проклятием? Самым обычным: кто-то снова проклял. А почему проклял? За что?

Завтра поговорю с девчонкой. Вчера с ней разговаривал... в постели. И она ничего мне не сказала. Да, мы иногда с ней занимаемся сексом — почему бы и нет? Она пока свободна, я свободен, нам хорошо в постели, так почему бы не заняться ЭТИМ? Не монастырь же.

Не напрягает ли, что я ее работодатель? Честно сказать — немного напрягает. Но сколько начальников спали и спят со своими подчиненными? Ну да, я не ангел! «А ты что, рассчитывал здесь увидеть живого епископа?»

— Ну что, как дела с прочтением запрещенной литературы? — спрашиваю я, и призраки тут же откликаются:

— Читаем. Но ты ведь боишься допускать нас в свое тело. Как тогда мы передадим тебе свои знания? Как передадим прочитанное?

— Вы читайте, читайте... там видно будет, — фыркаю я. — Уже раз допустил! И что вышло?

— Я же извинился, — ничуть не переживает призрак, я чувствую это. — И отец меня уже отругал.

— Отругал! — откликается Мастер — Он не должен был так поступать! Честь дороже всего.

— Честь, честь... — зло бросаю я. — Если бы вы подкрались к этому ублюдку да нормально смахнули ему башку своим мечом, мне бы не пришлось выставять вас сторожить в коридоре! И по улицам я ходил бы, не оглядываясь! Ну что вам стоило так сделать?! Неужели вы не понимаете, что бороться с подонками надо любым, понимаете, любым способом!

— Я человек чести! И даже ради мести не могу ею поступиться! — Призрак говорит холодно, просто-таки обдает северной стужей. — Я не могу уподобляться этому подонку! Я думал, что у него остались хоть какие-то понятия о чести, а еще думал, что он постесняется отказаться от вызова на глазах у своих соратников. Но я ошибался.

— Да... вы ошибались! — с горечью говорю я и вспоминаю, как отправился к дому Элрона, чтобы посмотреть, что там случилось. И... Увидеть. Увидел, да. Толпу призраков, которые стояли у развалин, и среди них вот его, собственной персоной, — Мастера. Кстати, так и не спросил у него, как сделать эту штуку — «Привет Мертвеца». Когда ты превращаешь себя в авиабомбу. Классную бомбу, надо сказать. Все равно как снаряд из главного калибра линкора жажнул. Мне представляется, что такие разрушения получаются именно после падения снаряда 480 мм диаметром.

Призраков было полторы сотни. И ужасно было то, что убитых членов Лиги там было всего лишь

около полусотни (мне на них плевать). Кроме них еще некоторое количество слуг — ну этих мне совсем не жалко: если ты служишь бесу, так прими и его участь. Основная масса призраков — мои соплеменники. Ворки. Как оказалось, в подвале дома находились казематы, что-то вроде подземных ходов, по которым и ушел Элрон. Пыточная, где мучительно убивали ворков, похищенных Элроном и его подручными.

Где он похищал людей, как это делал — я не стал выяснять. Ушел, оставив призраков стоять на месте своей гибели. Ну а что я мог сделать? Отправить их на перерождение? Да, мог. Но... не стал. Пусть пока здесь постоят. Мне показалось, что так будет правильно. Ведь не зря же они остались в этом мире, а не ушли навсегда? Кто я такой, чтобы менять их судьбу?

А вот Мастера увел с собой. Теперь он тоже работает на меня. Сказал, что не уйдет, пока не освободится сын.

Я раньше думал, что у призраков нет эмоций. Призрак — ведь это что-то вроде... хмм... даже не знаю, как это назвать. Электронная копия? Вот есть книга — бумажная книга. На ней отпечатан текст. Книга сгорела — текст исчез вместе с ней, то есть совокупность информации, заложенной в печатных знаках. Но если представить, что текст вышел из книги, когда она «умирала», и в электронном виде поселился в интернете? Умерла ли книга? Да. И нет. Ведь текст цел! Возможно, что я утрирую, но... вероятно, так все и есть. Призраки — «электронные» копии людей, не обладающие телом. Информационные файлы.

С момента гибели Мастера прошло две недели. Примерно неделю, как мне говорили, продолжались воркские погромы, но как-то быстро они закончились. Подпалили пару лавок, побили несколько ворков, и на этом все завершилось. Ощущение было таким, что у затеявших погромы не было настоящего вожака.

По слухам, Элрон тоже отправился лечиться, как и его сын. Мастер все-таки хорошо его «пописал» своим мечом. Со слов Мастера, он точно бы развалил пополам этого скота — помешала случайность. Или, наоборот, не случайность, а предусмотрительность — спрятанные в нишах за портьерами арбалетки. Элрон их там заранее насажал. Видать, не доверял своим соратникам. Выпущенные из арбалета болты быют не слабее пистолетных пуль, а оставляющее действие у них, наверное, покруче, чем у той же пули. Болты оттолкнули Мастера назад, и его удар, вместо того чтобы развалить негодяя, всего лишь прочертил тому по груди, рассекая плечо и грудные мышцы. Рана должна была быть тяжелой, я вообще-то даже удивился, что Элрон с таким ранением смог уйти.

Впрочем, то, что Элрон подлец, не означает, что он еще и задохлик. Наоборот, он всегда отличался силой и ловкостью. И только Хенеля вот не мог победить в открытом бою. Папенька парня научил сражаться.

Первую неделю я ходил по улицам и оглядывался, опасаясь нападения погромщиков. Но меня так никто и не тронул. То ли уже знали как музыканта и не хотели лишиться хороших песен, то ли что-то подозревали насчет моих боевых способно-

стей. Без меча и кинжала я не выходил, а еще прятал под полой легкого плаща заряженный пистолетный арбалет на два выстрела. Я так-то не трус, но зачем напрасно рисковать?

Ходил я в основном в трактир — обычно вечером. Но вначале после занятий нередко ходил по городу, по лавкам, и покупал то, что мне было нужно. Например, пошил себе хороший мундир из дорогой ткани. «Парадно-выгребной» мундир. В нем я буду «выгребать» на какое-нибудь торжественное мероприятие. Какое именно? А вот какое: как оказалось, в этом городе имеются ДВЕ Академии! Одна — та, в которой я учусь. Вторая — это офицерская Академия... как бы это лучше сказать... для лишенных магического дара. И вот в этой Академии учится в разы больше курсантов, чем у нас!

Я просто-таки обалдел, узнав эту новость, которую, как и всегда, принесла Хельга, все еще строящая мне глазки и усиливавшая день ото дня свой напор. Так вот, Хельга так, между прочим, спросила меня: «У тебя есть что надеть на офицерский бал? Или ты пойдешь в своем дешевом мундире?»

Я стоял и хлопал глазами — какой такой офицерский бал?! Что за ерунда?! А когда спросил это у девушки, Хельга вытаращилась на меня, как на чудовище, внезапно сошедшее со старинной фрески, и, недоверчиво помотав головой, выразила бурное неодобрение моей темнотой и дикостью. Заявила, что я или издеваюсь, или же совсем уж тупой. Потому что не то что курсанты, все в Империи знают, что здесь находится единственная кузница кадров офицерского состава, готовящая офицеров, которые потом служат в различных подразделениях им-

перской армии, начиная с интендантской службы и заканчивая элитными гвардейскими подразделениями. А когда я спросил, почему ни разу не видел на улицах города этих самых курсантов, получил ответ, что гулять надо там, где положено, а не шастать по портовым вертепам и лавкам старьевщиков. Тогда бы и я увидел этих наглых, самодовольных парней и девок! Которым, кстати сказать, запрещено приближаться к воротам нашей Академии.

Раскрутить Хельгу на информацию совсем не сложно, достаточно задать только один вопрос в нужном направлении — и она тут же выдаст тебе столько инфы, что захлебнешься в этом бурном пенящемся потоке. Итак, вот что она рассказала: да, существует такая Академия, которая была учреждена примерно в одно время с нашей Академией. Вот только отличается она от нашей очень даже радикально. Например, в нашей учатся три года, в той Академии — пять лет. Наших курсантов обеспечивает государство — ТЕХ курсантов обеспечивают их родители. То есть платят за обучение немалые деньги.

Само собой, среди тех курсантов нет бедняков — ведь обучение стоит довольно-таки дорого, простым людям не по карману. У нас тоже нет бедняков, но изначально было так, что сюда набирали и тех, кто родился в бедной семье. Это потом уже то ли бедняки стали прятать своих детей, укрывая от обязательной учебы, то ли просто выродились маги в бедных семьях, но теперь учатся только дети магов, а маги бедными не бывают.

Еще отличие — после окончания учебы в той Академии курсант может пойти служить, а может

и отправиться «на гражданку». Например, занять какую-нибудь чиновничью должность. Для этого ему вполне хватает диплома офицера.

Тут же каждый, кто отучился в Академии, по окончании автоматически становится дворянином, если им не был. Там — ничего подобного. Кем был — тем и останешься. Дворянином, купцом или кем там являются твои родители.

Судя по рассказу, получилось эдакое смешение гражданского университета и офицерской школы. Вроде и курсанты, вроде и в форме ходят — но отслужить государству их никто не заставляет.

И кстати сказать, выяснилось, откуда взялся запрет на посещение нашей Академии ИХ курсантами, а соответственно, нашими курсантами — обычной Академии. Ревность. Конкуренция. Желание доказать всему миру, что «наши-то круче!».

Да, доходило и до драк. К нашей Академии приходили, чтобы подраться, наши ходили к их Академии. После нескольких смертельных случаев посещение конкурирующего учебного заведения без разрешения руководства запретили строго-настро-го под страхом отчисления.

Это было очень давно, сейчас уже такого дикого противостояния нет, тем более что в Академии Магии курсантов в два раза меньше, что в Офицерской Академии. Но... прежние правила никуда не исчезли, они сохраняются, и... вот при таких, понимаешь ли, безобразиях, при такой конкуренции эти многоумные устраивают балы! Да, совместные балы, которые якобы должны укреплять, приближать, скреплять и все такое прочее. И первый бал должен состояться через три недели после начала

занятий, на праздник святого Сегрена, покровителя воинов.

Ни про какого Сегрена я и не слыхивал, про бал тоже и был немало удивлен тем, что, оказываясь, отказаться от участия в этом событии можно только в том случае, если ты шибко болен, ранен или умер. В остальном бал в ранге положенности. Хошь не хошь, а давай балуй! Или балься? Или бальсируй?

В общем, после этого известия я побежал в город и срочно сшил себе мундир из хорошей ткани (пришлось переплатить за скорость), приобрел новые ботинки, а еще наконец-то навел порядок у себя на голове. Сходил в хорошую, дорогую парикмахерскую, где из моей белой гривы сделали нечто удобоваримое. Нет, совсем волосы не постригли — они у меня очень отросли и сейчас опускались до самых плеч. Их подровняли, а еще перехватили специальной лентой для удобства хождения. Тут это называлось «воинский хвост». Кстати, такая прическа имеется у многих наемников.

Вообще-то я предпочел бы постричься практически налысо, но посмотрел в зеркало и вспомнил свою уродски обработанную голову в момент моего прибытия в этот мир, и решил, что раз я уже не нищий, то и выглядеть буду соответственно.

* * *

Утро. Сигнал колокола. Пора вставать. Поднимаюсь, делаю зарядку — бой с тенью, растяжку, упражнения с мечом. Благо что комната большая, тут есть где развернуться.

Кстати, у наших «конкурентов» таких «номеров» нет. И это еще одно отличие нашей Академии от обычной. Они живут в маленьких комнатах по два человека. И это считается правильным, ибо воин должен испытывать лишения, ведь только так закаляется его душа. Ну и тело соответственно. Глупо, конечно же... но в чужой монастырь... понятно.

Пока скакал с мечом — в дверь постучали. Прячась за дверной створкой, выглянул — Ана. Почему прячась? Да потому что голый, как младенец. Тут спят голыми или, когда холодно, надевают что-то вроде ночной рубашки — вне зависимости мужчина ты или женщина. Спать в ночнушке — это не для меня. Так что уже привык голышом.

Ана моему виду не удивилась — она меня видала во всех видах, как и я ее, разумеется. Девушка сразу же занялась уборкой, протиркой пыли, хотя вроде бы и протирать тут было нечего, ну а я закончил комплекс упражнений.

Кстати, работать с мечом я точно стал гораздо лучше. Откуда знаю? Да чувствую это. Переходы из стойки в стойку, уклоны, нырки — все это дается легко, так, будто я родился с мечом в руках. Знаю, откуда дует ветер — Хенель ведь сказал, что оставил мне свои умения. Вот они и начали у меня проявляться — медленно, но верно.

После гимнастики пошел в душ, потом растерся широким жестким полотенцем. Заканчивал мыться уже холодной водой — бодрит, тем более что на город как-то сразу опустилась летняя жара. Зима, она же сезон дождей, закончилась, настало время долгого, очень долгого лета.

Не одеваясь, пошел в гостиную, где уцепил Ану за руку и потащил в спальню. Она вяло сопротивлялась, потом покорилась судьбе и покорно дала себя утащить. В спальне я приказал ей раздеться догола, и опять она так же вяло и заторможенно это сделала — как заводная кукла, у которой кончается завод. Раздевшись, осведомилась, в какую позу ей встать, и, не дожидаясь ответа, приняла коленно-локтевую позу, зная, что я предпочитаю эту позу больше всего. Я в ответ вздохнул и сообщил, что сегодня утром мне не до игрish, а я всего лишь хочу ее осмотреть.

Да, опухоль обнаружилась на правом бедре. Пульсирующая, красная, впившаяся в тело черными жгутиками-ножками. На ее уничтожение у меня ушло минут пятнадцать — я уже довольно-таки хорошо поднаторел в уничтожении этой пакости, так что красная погань, извиваясь и корчась в муках, сгинула, будто ее никогда и не было.

А потом я все-таки не выдержал, прыгнул в кровать, и... случилось то, что случилось. Ана, кстати сказать, явно получила удовольствие, и какого черта тогда строила рожу, изображая из себя попанную невинность? Кто только сутки с небольшим назад прыгала на мне, запрокидываясь назад и дергая себя за соски? Страстная, между прочим, девушка, очень даже страстная. Может, жениха себе нашла? Потому и сопротивляется?

Мы лежали на постели рядом, успокаивая дыхание, и первое, что я спросил у своей маленькой любовницы:

— Послушай... кто тебя хочет извести? Кто может желать тебе зла? Ну-ка, вспоминай! У тебя есть недоброжелатели?

Ана вздрогнула, потом резко, одним движением села на постели, обхватив себя руками за плечи. Обнаженная спина ее была такой гладкой, такой незащитной, что я не выдержал и провел по ней ладонью. Ана поежилась, вздохнула:

— Я не знаю. Есть у меня одно подозрение, но... этого же не может быть! Не так давно я зашла к тетушке... она увидела меня без родимого пятна, охнула, поздравила, стала расспрашивать, как и чего. Я сказала, что вылечилась в Академии, у самого лучшего лекаря. Про тебя ничего не сказала. Мол, накопила денег и все отдала. А пока разговаривали, приходит парень — я его с детства знаю, сын булочника Перона, хороший парнишка...

Глаза Аны затуманились, и я криво усмехнулся: да, сын булочника — неплохая партия. Вот откуда ноги у ситуации растут! И правда, надо прекращать баловство с девчонкой. Залететь она не залетит — я купил ей амулет от зачатия, но... девчонка честная, она так не выдержит — кувыркаться с начальником и любить другого мужчину.

— Ну, так вот... — после небольшой паузы продолжила Ана, укладываясь рядом со мной. Я обнял ее за обнаженные плечи, привлек к себе. Жалко будет расставаться с девочкой! — Гиом с детства меня знает, мы с ним дружили. Он всегда меня жалел и как-то даже сказал, что женился бы на мне даже с таким вот уродством. Только папаша не позволяет, сказал — из дому выгонит, если он приведет такую... меня в дом. А приходил он к моей троюродной сестре. Тетушка-то мне не совсем родная. Ну и вот — у нее трое сыновей, здоровенные такие придурки, вечно меня дразнили, тетушка их ругала, и сестра —

она чуть младше меня. Вот к сестре Гиом и приходил. А как увидел, что лицо у меня чистое, так аж загорелся весь! Мол, пойду к отцу, скажу, что Ана стала красавицей, папаша и позволит на мне жениться! Он в ноги ему упадет! И ушел. А сестра, Берта, такую истерику устроила... сказала, чтобы я больше не появлялась у них в доме, что я разлучила ее с женихом, что я тварь тупая и чтоб я сдохла.

— А тетушка? Она что сказала? — не выдержал я, медленно теребя двумя пальцами упругий сосок девчонки. Приятно!

— Сказала, что я неблагодарная, что так не поступают с сестрой. Что это она устроила меня в Академию и что я по гроб жизни ей обязана. Ну и... все. Ушла я от тетушки как оплеванная. Старший, Веном, еще сказал, что, если увидит меня у их дома и вообще на улице — все кости мне переломает. А как он не увидит, если мамин дом стоит у них в соседях? Я что, к себе домой не должна заходить?

Ана поежилась и отодвинула мою руку от ее груди. Соски у нее были очень чувствительные, я это знал, но не мог отказать себе в удовольствии их потрогать. Я слаб! Я всего лишь человек, не ангел!

— Постой... — вдруг задумался я. — Скажи, а кому отойдет материн дом, если ты умрешь?

— Ну... не знаю, — пожала плечами Ана. — Родни у меня больше нет, кроме тетушки. Ей, наверное.

— А муж ее где? — не отставал я.

— Заболел и умер, — снова пожала плечами Ана. — Он хороший был, тетушка грубая, шумная, а он был тихий такой... попивал, конечно. А кто не пьет? Мастер был хороший — обувь шил. Сейчас вот сыновья тетушкины шьют. А она продает на рынке.

Только они дешевую обувь шьют... для бедняков. Из плохой кожи. Да и не особо стараются, так что дела у них не очень идут.

— Вот что... сегодня после занятий будь наготове. — Я отодвинулся и посмотрел в глаза девушке. — Хочу вместе с тобой навестить тетушку. Поздороваться с ней, поговорить на тему: «Как не надо обижать девушек-сирот». Не против?

— Не против, — улыбнулась Ана и вдруг помрачнела. — Знаете, какие они сильные, братья? Они выше вас! И в плечах в полтора раза! Их все боятся! Особенно, когда они выпьют! Поговаривают, они еще ночами на улицах пошаливают, но это, наверное, просто разговоры. Побьют вас! У них и друзей полно — такие же придурки, как и они. Вместе выпивают. Не надо бы вам туда ходить, я боюсь за вас. Пускай Темный этот дом забирает в Преисподнюю — вместе с тетушкой, братьями и сестричкой. А я и тут, при кухне, поживу. А то еще сниму комнатку где-нибудь подешевле, мне много не надо! Крыша над головой да кровать! Помыться вы мне позволяете в вашем номере, а что еще мне надо?

И тут же без перехода улыбнулась и похвасталась:

— А я платье новое купила! Не видели? Я его только что сняла!

— Честно скажу: когда ты снимаешь платье, я не могу смотреть ни на что больше, кроме как на тебя, — улыбаюсь я. — Ты прекрасна! Ты одна из самых красивых девушек, которых я видел в своей жизни!

— Красивее госпожи Фелны? — вдруг спросила Ана. — И госпожи Хельги?

— Хмм... — задумался я и после демонстративной паузы бодро подтвердил: — Красивее! Конечно же красивее!

Ну что я мог сказать девушке, которая голой лежит в моих объятиях? Я же ведь не идиот. Но на самом деле после того, как прыщи на лице Фелны исчезли и лицо ее очистилось, оказалось, что девица очень даже красива. Не хуже той же Аны, это точно. Только вот... «породистее», что ли? Ана — как красивая молоденькая лошадка, Фелна — арабская кобылица, в каждом движении которой угадываются поколения аристократов, выросших в достатке и заботе. Ана очень красива, просто ангельски красива, но... нет в ней этого самого аристократизма. Вечно испуганный взгляд, движения собачки, которая все время ждет пинка или окрика. Это видно с первого взгляда, увы. Гордость не воспитаешь за несколько дней.

— Ждешь меня после занятий в этой комнате. Готовая к выходу, — повторил я и притянул девушку к себе. В этот раз она не сопротивлялась, наоборот, приникла всем телом и стала целовать — истово, будто болящий, припавший к истукану в надежде на то, что деревянный идол избавит его от болезни.

Ну что же... после того как мы сходим в ее дом, буду думать, как пристроить девицу. И надо прекращать наши постельные игрища, не нужно, чтобы на нее пал хоть краешек тени. И вот что... надо будет восстановить ей девственность. Не было ничего! Чиста, как снег на горной вершине! И никаких тебе вытаявших летом альпинистов...

Ну а пока... иди ко мне, моя сладкая! Времени немного, но мы успеем. Эх, жаль прекращать с тобой отношения! Эдак не выдержу, да и... запасной вариант использую. Два запасных варианта.

Глава 3

— Аннар... ну-ка, поговорим!

Я маню подавальщицу в сторонку, она кивает на парнице и, вытирая руки полотенцем, подходит:

— Что случилось? — На крупном лице женщины написано недоумение, а я внимательно смотрю ей в глаза:

— Я сегодня собираюсь посетить... тетушку Аны. Ничего не хочешь мне сказать по этому поводу?

Смущается, потупила глаза:

— А разве Ана тебе ничего не говорила?

— А что она должна была сказать? — мягко, но безжалостно продолжаю наседать я.

Вздыхает, разводит руками:

— Ну да... я не родная ей и не тетушка. Когда Ана пришла сюда, была такая запуганная, такая... несчастная, ну я и стала о ней заботиться. Девчонки смеялись — ты ей как родная тетушка! С тех пор и пошло — тетушка да племяшка. Мне показалось, что ты лучше поймешь, если я назову ее племяшкой. Да и вообще — уже привыкла. Она мне как родная. Кстати, она очень хорошо к тебе относится. Целыми днями только: господин Син то, господин Син се! Девчонки обзавидовались ей. Ну а чего — красивая, в услужении у красавца... ей любая позавидует!

Аннар подмигнула и, нарочито поджав губы, кивнула. Потом с откровенным уважением добавила:

— Видела у нее амулет от беременности... ты молодец. Другие мужчины и не задумались бы над тем, что делать девушке, когда она залетит. А ты вот озабочился! И не беспокойся, она ничего особого про тебя не рассказывает. Только то, что ты щедрый, добрый, и... в общем, никаких тайн. И опять же — не рассказывает о том, что вы с ней спите. Это я сама догадалась, видела амулет, когда она переодевалась.

— Ей замуж надо, — вздыхаю я. — Скоро наши отношения прекратятся. Не хочу портить ей жизнь. Прокатится дурная слава о том, что она живет на содержании у своего нанимателя, и что будет?

— Да ладно! — Аннар весело машет рукой. — Кому какое дело, что было раньше? С ее-то мордашкой, фигурой, ножками — и ей не выйти замуж? Даже не думай об этом. Развлекайтесь, пока молодые. Для здоровья полезно (подмигивает). И мужа порадует: ворки — умелые любовники, ты ее как следует научи мужа любить! Хе-хе... Чтобы потом не бегал на сторону. Понимаешь, Петр... жизнь скоротечна (вздыхает, вытирает глаз запястьем). Сегодня живем, а завтра — нет. Радуйтесь тому, что у вас есть, радуйтесь каждому дню! Послушай тетушку Аннар... не гони девчонку, люби ее со всей своей силой! А завтра... это будет завтра.

— Спасибо, тетушка... я подумаю над твоими словами! — улыбаюсь я, Аннар улыбается в ответ, но тут же хмурится, будто гаснет:

— Говоришь, к ее тетке собрался? Будь очень осторожен. Знаю их семейку. Говорят, что и дети-

то не от покойного мужа. Тетка Аны — известная оторва. Еще до замужества бегала по мужикам — набегалась и окрутила мужичонку. Дети-то на него ни капли не похожи. Она, и будучи замужем, бегала к полюбовнику. Муж-то у нее был худенький, тщедушный, а эти три мордоворота в кого пошли? Не буду утверждать наверняка, но... был у нее один. Стражником служит. Может, и сейчас к нему бегают, ну а чего? Ей лет-то не так уж и много. Вот сыновья точно копия этого стражника — видела я его. Может, потому ее мужик и стал пить — а кому понравится, когда жена при живом муже на сторону бежит? Переживал сильно. И еще... поговаривают, что умер он как-то странно. Язвами покрылся и скончался всего за сутки. Хотели даже сжечь дом, а их прогнать, но передумали. Остальные ведь в семье не заразились.

— Кто хотел сжечь? — спросил я, слегка озадаченный вываленной на меня информацией.

— Соседи, кто же еще? — просто ответила Аннар. — А кому нужно в соседях гнездо заразы? Они же по одной улице ходят, помои на нее плещут. И зачем им заразная семейка? Но передумали. Может, потому, что сыновей боялись? Ох, и лютые эти парни! Силища немереная! Потому и говорю — не ходил бы ты к ним. Ану я тут пристроила, у нее койка своя есть. Помыться, поесть, поспать — тоже есть где. А там, глядишь, и жениха найдет. Попозже, когда нагуляется. Ей теперь за всю ее несчастную жизнь нагуляться надо.

— А надо? — усмехаюсь я.

— Надо, надо! — расплывается в улыбке Аннар. — Иначе потом будет искать мужиков, чтобы

попробовать! Надо, чтобы как следует нагулялась, чтобы и не хотелось больше! Чтобы мысли были только о семье, о детях! Уж поверь, я знаю, что говорю! И не смейся — я не всегда была такой... большой. Худенькая была, как тростиночка! Как Ана! Это сейчас я раздобрела. Ну и что? Мой мужик любит, когда любимой побольше. Говорит — есть за что обнять! А то все кости о кости стучат, грохот, как от ломовика!

Она смутилась и фыркнула:

— Это я не про тебя с Аной. Это так... вообще.

И тут же перешла на другую тему:

— Ну что, покушаешь? Давай-ка я тебе побольше положу, а то все худенький и худенький! Будто и не ешь совсем!

— Растолстею — в новый костюм не влезу, — улыбаюсь я.

— Новый сошьешь! — хихикает Аннар. — Эх, и где мои двадцать лет! Я бы тебя ухватила... и не отпустила бы ни за что на свете! Иди, положу тебе гуляша! Эх, и вкусный сегодня получился! Ешь, тебе силы нужны... ночь скоро!

Я шел к своему столику, раздумывая о том, как и за какое место меня ухватила бы подавальщица. Картина выходила эпическая, мое богатое воображение выстроило целый видеоролик на эту тему. Я вообще-то никогда не любил высоких плотных женщин, особенно если они норовили ухватить меня и куда-нибудь отвести (в ЗАГС, например). Предпочитаю доминировать, а не подчиняться. Кстати, чего это она решила что до ночи «скоро»? Утро еще! Завтрак!

Впрочем, для вселенной это не срок. Широко мыслит подавальщица-философ. Я давно замечал, что великие философы частенько работают в сфере услуг. Подавальщицы, парикмахерши, таксисты. Они знают все обо всем на свете и могут дать совет по любой мировой проблеме.

Поесть спокойно мне не дали. Справа и слева нарисовались две фигуры, которые тут же пожелали ухватить меня, не отпускать и повести.

— Ты с кем пойдешь на бал?! — с ноткой эдакого обвинителя спросила меня Фелна.

— Да! Выбери! — обвиняющее ткнула в меня пальцем Хельга. — Хватит уже строить из себя недотрогу! Мы что, не знаем, что ты свою служанку пользуешь во всех позах?! Святоша! Строишь тут из себя!

Я поперхнулся, закашлялся и долго не мог откашлять из дыхательного горла кусочек мяса с острой приправой. Прокашлявшись, запил гуляш соком и сдавленным голосом спросил:

— Кто вам такую чушь рассказал?! Какие позы?! Какие служанки?! И какое отношение моя служанка имеет к походу на бал?!

— Ну, ты не строй из себя дурачка-то! — фыркнула Фелна. — Я сама слышала, как она вопила на всю Академию! Даже почти не пришлось ухо прикладывать к двери!

— Да! — Хельга победно кивнула — Я тоже слышала! Вот ведь как вопила! Будто ее резали! И ты говоришь какие служанки?!

— А нечего подслушивать под дверями! — фыркнул я. Мне было и смешно, и зло брало — какого черта?! Это что еще за шпионы?!

— *Точно, подслушивали,* — раздался голос призрака. — *И обсуждали то, что у вас там происходило. Со всеми подробностями. Я таких подробностей не читал даже в запрещенной книге «Юности сладкие порывы».*

— *Сын, ты читал такую дрянь!?*

— *Папа... а ты разве не читал?*

— *Я читал, но думал, что ты лучше меня! Чище!*

— *Нет, папа... я весь в тебя.*

— Эй, девушки, а что за книжка такая «Юности сладкие порывы»? — спрашиваю я, следя за лицом Фелны. Та закашливается, опускает взгляд, и тогда я смотрю на румяную (наверное, от жары) Хельгу. — Хельга, что за книжка такая?

— Ну что ты пристал? — возмущается девушка. — Мы не читаем этакую пакость! Описанные там извращения ни одна приличная девушка не позволит применить к своей персоне!

— А откуда ты знаешь, какие именно извращения она не позволит применить? — вкрадчиво осведомляюсь я. — Если не читала книгу?

Хельга закашливается и смотрит куда-то в сторону. Потом наигранно весело говорит:

— О! Гляди-ка, Софи! Представляете, она на днях заявила, что хочет зайти к нашему Пету и попросить его поучить играть на лютне!

— Да-а? И в какой же позе она попросит его... поиграть?

— Отстаньте от меня, — фыркаю я, заглатывая последний кусочек мяса и довольно отдуваясь. — Чего пристали-то? Это вообще неприлично — мешать человеку поглощать свой завтрак!

— Ты не ответил! — Фелна требовательно посмотрела мне в глаза. — С кем из нас двоих пойдешь на бал?!

— А почему именно с вами? А может я Софи приглашу? — Отхлебываю сок из кружки и с удовольствием наблюдаю за тем, как меняются лица девушек. — Почему это именно с вами? Вы, вообще, какое право на меня имеете?

— Мерзавец! — с чувством говорит Хельга.

— Мерзавец! — подхватывает Фелна и напоминает: — Я вообще-то жизнь тебе спасла! Забыл?

— Забыл, — признаюсь я. — Ладно. Не буду приглашать со стороны. Может, со служанкой пойти, как думаете?

— Негодяй!

— Негодяаай...

— Что, и со служанкой нельзя?! — вздыхаю. — А что, вы предлагаете пойти с кем-то из вас? А почему не сразу с обеими?

— Правда — почему? — озадаченно спрашивает Хельга.

— Но это же неприлично! — так же озадаченно отвечает Фелна. — К тому же он уделит каждой из нас меньше внимания, чем мог бы.

— Я могу очень постараться, — искренне заверяю я. — Меня хватит и на двоих.

— Уверен? — испытующе спрашивает Хельга и переглядывается с Фелной. А я вдруг подумал: неужели договорились? И это при женской ревности, ведь каждая из женщин — абсолютная собственница. Впрочем, это же другой мир, а в другом мире может быть все. Я бы не сказал, чтобы у меня не было *такого* опыта, но я как-то не особо стремился

к таким отношениям. Было, да — пару... нет, четыре раза. Но это меня не особо «прикалывало». А один раз даже привело к скандалу, после которого я зарекся вступать в такие дела. Одна из девушек вдруг решила, что я оказываю больше внимания ее подруге, чем ей самой, и... в общем, у каждой по фингалу, а я, разнимающий, получил коленом по самому святому для мужчины месту (нет, не по голове). А оно мне надо? Женщины непредсказуемы и опасны, особенно в любовных делах. С тех пор я категорически пресекал любые попытки вовлечь меня в «экзотические» удовольствия. Хотя желающих дам хватало. Когда я находился в отпуске, деньги у меня водились, а с деньгами сразу же появлялись друзья и самое главное — подруги. Последние как мокрицы — спутницы теплых и сырых мест. Стоит такому месту появиться, как тут же в нем заводятся мокрицы.

— Вот что, подруги, — говорю твердо, жестко и без обиняков. — Если чего-то от меня хотите, так говорите это ясно, без иносказаний и виляний попками. Жениться в ближайшие десять лет я точно не собираюсь. Так что можете на это не рассчитывать. Хотите что-то еще... я не против, главное, чтобы вы однажды не передрались. Это понятно?

— Жениться! — фыркнула Хельга. — Да кто говорит про женитьбу?!

— Наивный какой мальчик, — хихикает Фелна. — Да кто тебя в храм тянет? Но и строить из себя святошу не надо!

— И кстати, вам было не стыдно подслушивать у дверей? — делаю я контрольный выстрел.

— Абсолютно не стыдно! — хохочет Хельга.